

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

УДК 94(47)"08/16"
DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.01

И.А. Болдов

Бытование «романовской» политической легенды в Смутное время

По своему сюжету политические легенды делятся на три группы: о предсмертном завещании царя Ивана Васильевича, о спасении царевича Дмитрия Ивановича, о предсмертном завещании царя Федора Ивановича. По характеру политической направленности могут быть выделены «годуновская», «шуйская», «мстиславская», «романовская» легенды, а также самозванческая легенда, представляющая собой разновидность народной социально-утопической легенды о возвращающемся избавителе. В настоящей статье рассматривается проблема возникновения, бытования и применения в Смутное время «романовской» политической легенды о завещании царя Федора Ивановича.

Ключевые слова: Смутное время; политическая легенда; завещание царя Федора Ивановича; Федор Романов и Борис Годунов; Земский собор 1613 года.

Наиболее ранними источниками, отразившими «романовскую» политическую легенду о завещании царя Федора Ивановича, являются «Московская хроника» немца Конрада Буссова, «Краткое известие о Московии» голландца Исаака Массы и так называемая «Повесть о Земском соборе 1613 года».

Последние мгновения жизни царя Федора Ивановича в «Московской хронике» описаны следующим образом: *«Царица Ирина Федоровна, родная сестра правителя (Бориса Годунова. — Прим. И. Б.), обратилась к своему супругу с просьбой отдать скипетр ее брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной). Но царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Федор Никитич его не взял, а предложил своему брату Александру. Тот предложил его третьему брату, Ивану, а этот — четвертому брату, Михаилу, Михаил же — другому знатному князю и вельможе, и никто не захотел прежде другого взять скипетр, хотя каждый был непрочь сделать это, о чем будет сказано позднее. А так как уже*

умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: *“Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невозможно больше держать его”*. Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его» [3: с. 80–81]. Таким образом, немецкий автор зафиксировал информацию о стремлении царя Федора передать власть представителям рода Романовых, но нерасторопность / благочестие Романовых и расторопность / властолюбие Бориса Годунова способствовали тому, что именно Годунов стал царем по смерти последнего правителя из династии московских государей.

Краткое упоминание о передаче управления царством Федору Никитичу Романову находим и в труде Исаака Массы: *«Перед смертью он (царь Федор Иванович. — Прим. И. Б.) вручил корону и скипетр ближайшему родственнику своему, Федору Никитичу, передав ему управление царством»* [9: с. 45].

«Повесть о Земском соборе 1613 года» (далее — «Повесть») представляет собой небольшое произведение, в котором оставшийся неизвестным автор собрал сведения об обстоятельствах проведения в Москве в январе – феврале 1613 года Земского избирательного собора. Согласно «Повести», право выбора нового государя принадлежало московским боярам. Присутствовавшие в рассматриваемое время в столице казаки находились в ожидании решения земского собора. Работа собора проходила в атмосфере взаимного недоверия и враждебности между боярами и казаками. Из представителей знати постоянный контакт с казаками поддерживал князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, который организовывал на своем дворе *«столы честныя и пиры многия на казаков»*, *«чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был»* (цит. по: [14: с. 95]). Единственным представителем рода Романовых в числе основных претендентов на царство значился боярин Иван Никитич Романов [14: с. 94].

Проблема материальной необеспеченности в холодной Москве спровоцировала всплеск казачьей агрессии: *«Казаки же не можаху дождати от бояр совету их, хто у них будет царь на Росии. И советовав всем казачьим воинством и приступиша казаков до пяти сот и больше ко двору крутицкаго митрополита, и врата выломали, и всыпали во двор, и глаголеша с грубыми словесы митрополиту: “Дай нам, митрополит, царя государя на Росию кому нам поклонитися и служити и у ково жалованья просити, до чево нам гладною смертию измирати!”»* (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, в понимании казаков перспективы их дальнейшей службы и последующей выдачи жалованья находились в зависимости от фигуры нового государя. Именно царское жалованье за ратную службу являлось основным интересом казаков.

Недовольство затягиванием принятия окончательного решения привело казаков на собор, на встречу с боярами: *«Атамань же казачей глагола на соборе: “Князи и бояра и все московские вельможы, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по божии воли*

и по благословению благоверного и благочестиваго, и христолюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Руси князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси”. И многолетствовали ему, государю» (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, именно казаки выдвинули на Земском соборе 1613 года кандидатуру Михаила Романова, обосновав свой выбор легендой о завещании царя Федора Ивановича.

Действия казаков застали бояра врасплох: утверждение Михаила Романова в качестве нового царя произошло под психологическим давлением со стороны казаков. Единственным человеком, осмелившимся вступить в дискуссию с атаманом, был дядя Михаила Романова: «Бояра же в то время все страхом одержими и трепетни трясущиеся, и лица их кровию пременяющиеся, и ни единого никак же возможе что изреци, но токмо един Иван Никитичь Романов проглагола: “Тот князь Михайло Федорович еще млад и не в полном разуме, кому державствовати?” Казаки же глаголеша: “Но ты, Иван Никитичь, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будещи”» (цит. по: [14: с. 95]). Таким образом, для казаков при выборе государя не имела значения принадлежность кандидата к роду Романовых в принципе. Для казаков была важна родственная связь, существовавшая между отсутствовавшими в Москве Филаретом (Ф.Н. Романовым) и его сыном Михаилом.

Детали «романовской» легенды, переданные Конрадом Буссовым (упоминания о младших братьях Федора Никитича, об уклонении «важных персон» от власти и похищении скипетра Борисом Годуновым), позволяют предполагать, что ее возникновение относится к периоду борьбы Романовых и Годуновых за власть.

Первый момент обострения отношений между Романовыми и Годуновыми связан со смертью царя Федора Ивановича в январе 1598 года. Интересные сведения о начавшейся по смерти государя борьбе за власть сохранил в письмах Христофору Радзивиллу оршанский староста Андрей Сапега. В письме от 4 февраля 1598 года Сапега сообщил имена претендентов на великокняжеский престол: Борис Годунов, Федор Мстиславский, Федор Романов, Богдан Бельский. Наиболее вероятным претендентом при этом был назван Романов [15: с. 339–340]. В письме от 23 февраля того же года можно найти несколько иной состав претендентов: Александр и Федор Романовы, Федор Мстиславский, Борис Годунов [15: с. 344].

В более объемном по содержанию письме от 15 февраля основными конкурентами в борьбе за трон выступают только Борис Годунов и Федор Романов.

К моменту составления донесения исход борьбы между ними был еще не ясен. Автор сообщал об ожесточенности, царившей в отношениях между боярами («в этом замешательстве и придирках князь Федор Романович подбежал к Годунову с ножом, желая его убить, но остальные удержали его»), а также об отсутствии единства в обществе: Годунова поддерживала часть думных бояр и воевод, стрельцы и «чернь почти вся», Романова — большая часть воевод и думных бояр [15: с. 341, 343]. Вместе с тем в письме нашел отражение и сюжет о последних мгновениях жизни царя Федора: *«Когда Годунов увидел, что великий князь Московский не может быть жив, он пришел к нему (при этом была и сама княгиня и Федор Романович) и стал его с плачем спрашивать и просить, чтобы он объявил, кого считает достойным избрания после своей смерти на великокняжеский стол, надеясь, что он укажет на него; на что тот ответил ему: “ты не можешь быть великим князем, разве только если тебя выберут по общему соглашению, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали по той причине, что ты производишь от подлого народа”. Но он указал на Федора Романовича, предполагая, что скорее выберут его. А так как великая Московская княгиня, говорят, беременна, то если у нея родится сын, велел, чтобы знатнейшие воеводы воспитывали его под присягой, а пока сын возмужает, чтобы тот же Федор Романович был правителем, а Федора Романовича будто бы увещевал, если его выберут великим князем, чтобы он не оставлял Годунова и постоянно держал бы его при себе, как и он, и без его совета ничего не делал, убеждая его, что Годунов умнее»* [15: с. 340–341]. Как видно из текста, в письме говорится не о передаче власти одному из бояр, а о высказывании государем мнения относительно возможности избрания одного из двух претендентов.

Староста не скрывал, что для получения информации использовал услуги шпионов и проезжих купцов. Достоверность такой информации вызывает сомнения, тем более что в приписке к письму некоторые указанные в основном тексте сведения были опровергнуты. Например, о беременности царицы Ирины или об убийстве Бориса Годунова. Тем не менее представленная информация о последних мгновениях жизни государя дает основание предполагать, что идея обоснования притязаний Романовых на власть могла возникнуть в январе – феврале 1598 года.

В феврале 1598 года Борис Годунов был избран «всею землею» на царство [12: с. 50]. Венчание же на царство состоялось лишь в сентябре месяце. Пребывание Бориса Федоровича в положении нареченного, но еще не венчанного государя означало незавершенность процесса сакрализации власти нового монарха. Это обстоятельство позволяло политическим противникам Годунова продолжать оспаривать трон. Именно к периоду между февралем и сентябрем 1598 года может относиться возникновение «романовской» легенды, в той версии, которая была впоследствии изложена Конрадом Буссовым. До наречения подобная легенда была еще не уместна, после венчания любое ее упоминание могло сулить опалу.

Стоит, правда, отметить, что в письме Христофору Радзивиллу от 16 июня 1598 года Андрей Сапега сообщал о стремлении Романовых, Б.Я. Бельского низложить царя Бориса и заменить его на престоле служилым ханом Симеоном Бекбулатовичем, который в свое время был провозглашен царем Иваном Грозным «великим князем всея Руси» [15: с. 345].

Сообщенные Андреем Сапегой сведения сохранились в итальянском переводе, что свидетельствует, по мнению С.Ф. Платонова, об их известности в Европе. На основании этого иностранные путешественники, направлявшиеся в Россию, еще до прибытия в Московию могли иметь определенные представления о перипетиях политической борьбы при дворе московского государя. Конкретную информацию о желании царя Федора передать власть Федору Романову историк считал отголосками разговоров, преданием, достаточно рано созданным в московском обществе, а рассказы о Романовых в трудах Конрада Буссова, Исаака Массы — «позднейшею эпической обработкою исторического предания» [11: с. 149–153].

Однако известны и другие предания, сохранившиеся в официальных источниках и летописцах, что подтверждает тезис о целенаправленном, а не стихийном возникновении легенд. Так, составитель «Соловецкого летописца» сообщал, что царь Федор Иванович перед своей кончиной *«Московское царство и все государства Росийскаго царствия приказал правити шурина своему конюшему и боярину Борису Федоровичю Годунову»* (цит. по: [7: с. 242]). Согласно же соборному определению об избрании на царство Бориса Годунова московский престол боярину Борису Федоровичу был завещан по смерти царя Федора еще царем Иваном Грозным [2: с. 13–14]. Обе «годуновские» легенды в той или иной мере служили инструментом идеологической нейтрализации влияния легенды «романовской».

Второй момент обострения отношений между Годуновыми и Романовыми связан с возникшей и долго мучившей царя Бориса болезнью (государь недомогал с конца 1599-го до лета 1602 года). Возможная кончина правителя вновь поставила со всей остротой на повестку дня вопрос о власти. У царя Бориса оставались сын Федор и дочь Ксения, несовершеннолетие которых порождало, вероятно, надежды конкурентов на успешное отстранение Годуновых от власти. Именно к этому периоду также может быть отнесено возникновение или окончательное оформление «романовской» легенды. В октябре 1600 года Романовы были арестованы по подозрению в организации заговора против царя Бориса и его семьи и после разбирательства приговорены к различным видам наказания. Так, Федор Романов был насильно пострижен в монахи под именем Филарет и отправлен в Антониев Сийский монастырь; его близкие избежали пострижения, но были разосланы по тюрьмам в разные места [13: с. 20–35]. Дискуссионным остается вопрос о реальности организации переворота Романовыми. В.И. Ульяновский, проанализировав все имеющиеся сведения о причинах ареста Романовых, отметил, что версия обвинителя

и версия обвиняемых сходились «в отношении возможности Романовых претендовать на власть» [17: с. 127–128].

Характерной особенностью текстов иностранных авторов являются различия в объеме информации о последних мгновениях жизни царя Федора. И Исаак Масса, и Конрад Буссов появились в России лишь в 1601 году. Голландец покинул Россию в 1609-м, немец — в 1611 году. И тот и другой не были очевидцами избрания Бориса Годунова, Михаила Романова. Оба были лишь свидетелями возвращения в 1602 году из ссылки опальных лиц, что, собственно, и могло послужить основанием для возникновения интереса к взаимоотношениям Романовых и Годуновых. Но голландский купец, более близкий по роду своей деятельности к городской среде, ограничился лишь краткой констатацией факта передачи власти, тогда как немецкий наемник представил достаточно подробное описание всего события. На основании данных наблюдений можно сформулировать следующие предположения: 1) среди столичного населения бытовала легенда в версии, не имевшей четко развитого сюжета; 2) немецкий автор почерпнул легенду в версии, имевшей сюжетную линию, из иного источника. Вероятно, от людей из круга, близкого к Романовым.

Как видно из текста «Повести», легенда о предсмертном завещании царя Федора Ивановича была использована в 1613 году, во-первых, в качестве обоснования необходимости избрания на царство именно Михаила Романова, а во-вторых, в качестве инструмента реализации интересов казачества. Возникновение же самой легенды относится к событиям, в которых казачество не принимало никакого участия. Данные наблюдения дают повод для постановки вопроса об обстоятельствах приобщения казаков к «романовской» легенде и, соответственно, превращения этой легенды в инструмент достижения интересов казачества. Исключать возможность существования среди казачьих атаманов грамотных и хорошо осведомленных в нюансах придворной политической борьбы лиц мы не имеем оснований. Вместе с тем, предполагая, что круг Романовых мог стать той средой, в которой произошла актуализация «романовской» легенды, поставим под сомнение независимость политической мысли казачества. Исходя из этого, возникают два закономерных вопроса: где и при каких обстоятельствах могли пересечься интересы казачества и Романовых; где и когда Романовы могли актуализировать легенду?

Ссылка на какое-то время выключила Романовых из активной политической жизни. Появление же и воцарение в 1605 году чудом спасшегося царевича Дмитрия и вовсе, как казалось, поставило крест на политических амбициях не только Романовых, но и всех остальных бояр. Однако еще при жизни царя Бориса Федоровича некоторые члены «романовского круга» (в частности, И.Н. Романов) были возвращены ко двору. Последним частично реабилитированным оказался Филарет, получивший при царе Дмитрии назначение на ростовскую митрополицию кафедру.

По мнению В.И. Ульяновского, с конца 1605 года Романовы вели работу по свержению царя Дмитрия и его замене на «свою давнюю креатуру» — великого князя Симеона Бекбулатовича. Предпринятая царем контрмера (пострижение Симеона в монахи [12: с. 68]) расстроила данный план [17: с. 136–137]. Успех же заговора против Лжедмитрия I стал возможным благодаря временному союзу Шуйских и Романовых, а также благодаря соглашению между князем Василием и митрополитом Филаретом о разделе царства и священства. Вместе с тем вскоре после вступления первого на трон стороны вступили в противоборство уже между собой [17: с. 138–139].

Первое столкновение относится к лету 1606 года, когда царь Василий Иванович резко переменял свой выбор и одобрил митрополита Гермогена в качестве патриарха Московского и всея Руси вместо ранее названного Филарета. Основанием для подобного шага могли служить подозрения нового государя в нелояльности знати и в организации заговора [11: с. 198–202]. Летом 1608 года «шатость» возникла в правительственных войсках под командованием бояр князя М.В. Скопина-Шуйского и И.Н. Романова, направленных против сил Лжедмитрия II [12: с. 77–78]. С.Ф. Платонов рассматривал этот случай как организованную «романовским кругом» попытку измены царю Василию [11: с. 233, 237]. Причиной волнений в войсках могло стать стремление служилых людей городов от Литовской украины покинуть расположение войска с целью защиты семей и имущества, оказавшихся после сражения на Незнани под ударом противника [16: с. 223–225].

Начиная с лета 1608 года в тушинском лагере Лжедмитрия II происходит концентрация перебежчиков из числа представителей боярских и дворянских семейств, в том числе из «романовского круга» [16: с. 362–363]. Переход из стана царя Василия под знамена Самозванца был продиктован стремлением улучшить собственное материальное и социальное положение, служа новому государю. Осенью того же года главой тушинского Освященного собора стал старший в «романовском клане» человек — митрополит Филарет [3: с. 154–155]. Именно здесь на службе у Самозванца, вероятно, были установлены первые контакты, налажено взаимодействие между казаками и представителями «романовского круга». И все же сомнительной выглядит мысль, что в Тушино и Калуге у казаков обнаружили политические симпатии к Романовым, произошла актуализация «романовской» легенды, так как участники движения Лжедмитрия II (и казаки, и знать), рассчитывая сохранить полученные от Самозванца приобретения, были заинтересованы в стабильности и улучшении политического положения «царика». Кроме того, источники не сохранили сведения о контактах «нареченного патриарха» Филарета с казаками, а также о какой бы то ни было самостоятельной политической активности Филарета, которая позволила бы заподозрить бывшего боярина в намерении посадить на царство собственного сына уже в 1608–1610 годах.

Имя Михаила Романова в качестве претендента на московский престол впервые упоминается в мемуарах гетмана Станислава Жолкевского в связи

с возникновением в московском обществе летом 1610 года дискуссии о новом государе. Появление одного из Романовых в числе претендентов на царство создавало условия для актуализации «романовской» легенды, но, согласно «Запискам» польского военачальника, единственным обоснованием притязаний Михаила Романова на власть служила родственная близость Романовых к династии московских государей: *«митрополит Ростовский, отец его, был двоюродный брат (по матери) царя Феодора»* [4: с. 75].

По наблюдениям Станислава Жолкевского, кандидатура Романова вместе с фигурой князя Василия Васильевича Голицына имела поддержку патриарха Гермогена. Вместе с тем гетман зафиксировал существование больших симпатий архиерея к Михаилу Романову, нежели к князю В.В. Голицыну: *«однако ж к патриаршему мнению более склонялся народ, а все почти духовенство было на стороне Голицына»* [Там же]. Выдвижение Михаила Романова в качестве претендента на царство не могло пройти без участия вернувшегося весной 1610 года из Тушина ростовского митрополита [11: с. 283–289]. Поддержку этому кандидату Филарет должен был оказывать и как отец, и как архиерей, соблюдающий субординацию во взаимоотношениях с предстоятелем Православной церкви. В свою очередь, удачное совпадение статусов Филарета дает основание предполагать, что инициатором выдвижения Михаила Романова являлся сам митрополит. Так, по крайней мере, считали в Речи Посполитой. В 1615 году польско-литовские послы на встрече со своими русскими партнерами под Смоленском, вспоминая о событиях осени 1610 года, свидетельствовали: *«Филарет митрополит <...> але отновивши прежний умысл свой и хотение господарства на себе, што за господаря вашего Бориса на него, на жону и на братью его родную показалося было, и за што по суду и сыску братья его на горле показнены, а он с жоною в чернцы пострижен, как о том всему господарству Московскому ведомо; и што в ту пору на себе господарство доступати умышлял, то ныне на сына своего Михаила о господарстве Московском замыслил и с Гермогеном патриархом тайно советовал, и, будучи в посольстве, тайно и лукаво тым промышлял, как бы королевичу его милости Владиславу не быти на Московском господарстве»* [1: с. 475]. Таким образом, для польско-литовской стороны очевидной являлась связь между неудачей Романовых в борьбе за власть на рубеже XVI–XVII веков и выдвижением Михаила Романова в претенденты на царство в 1610 году. Отметим, что, по мнению В.И. Ульяновского, «избрание боярского царя, даже юного Михаила Романова, было бесперспективной акцией». Исследователь усматривает в действиях Филарета стремление организовать в столице временное правительство — «вариант позднейшей Семибоярщины, только во главе со “священством” (как “тушинское правительство”)» [17: с. 146].

Кроме того, послы Речи Посполитой на переговорах в 1615 году отмечали, что Иван Никитич Романов *«не ведаючи брата своего Филарета с патриархом тайного совету»* [1: с. 477]. Эта информация согласуется с реакцией Ивана

Романова на речь казачьего атамана на Земском соборе 1613 года и говорит об отсутствии широкой поддержки кандидатуры Михаила среди знати. Принимая во внимание сведения, сообщенные Станиславом Жолкевским, отметим, что поддержку Романову мог оказывать столичный посад, ориентировавшийся на мнение патриарха Гермогена. Выше отмечалось, что «романовская» легенда была хорошо известна жителям Москвы; в 1610 году ассоциативным, стихийным образом она могла возникнуть в общественном сознании вновь. Однако источники не зафиксировали следы бытования легенды о завещании царя Федора в 1610 году. Отметим, что, по мнению П.Г. Любомирова, в период проведения Земского избирательного собора в 1613 году казаки и посадские выступали по отношению друг к другу в качестве «врагов». Историк считал случайностью единение московских простых людей «на определенном кандидате и лишь с частью казаков» [8: с. 207–208].

Вновь имя Михаила Романова в качестве претендента на царство возникает уже в период подготовки Земского избирательного собора, который должен был пройти в освобожденной ополченцами Москве. Информация об этом сохранилась в показаниях плененного поляками дворянина Ивана Философова (ноябрь 1612 г.). Этот источник является и наиболее ранним, сохранившим сведения о политических симпатиях казачества к фигуре Михаила Романова [8: с. 208–209]. К этому времени относится, вероятно, и актуализация «романовской» политической легенды, а также приобщение к ней казачества.

Как было показано выше, в 1613 году казачество желало такого государя, который бы определил казаков на постоянную службу, обеспеченную государевым жалованьем, тем самым признав за ними приобретенный в Смутное время статус служилого сословия.

Текст «Повести о Земском соборе 1613 года» впервые был опубликован в 1985 году, и до этого момента данное произведение было неизвестно широкому кругу исследователей. Тем не менее родственная связь, имевшая место между первым царем из династии Романовых и главой тушинского Освященного собора, подсказывала историкам идею, что на Земском соборе 1613 года бывшие участники антиправительственных выступлений стремились легитимировать приобретенный по ходу Смуты статус через апеллирование к опыту взаимодействия с «нареченным патриархом» Филаретом. Расхождения в оценках касались вопроса об инициаторах выдвижения фигуры Михаила Романова в качестве претендента на царство. По мнению В.О. Ключевского, инициатива принадлежала непосредственно казакам: «Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно» [5: с. 58–59]. П.Г. Любомиров считал, что идея избрания на царство Михаила Романова попала в казачью среду под влиянием проводимой бывшими «тушинскими дьяками» агитации [8: с. 209].

Оценки современных исследователей также разнятся, но при этом имеют иную направленность. По мнению В.Н. Козлякова, политические симпатии казаков к кандидатуре Михаила Романова сформировались под влиянием совокупности факторов: «Сыграли свою роль какие-то отголоски воспоминаний о деятельности Никиты Романовича Юрьева, нанмавшего казаков на службу при устроении южной границы государства еще при царе Иване Грозном. Имела значение мученическая судьба Романовых при царе Борисе Годунове и пребывание митрополита Филарета (Романова) в тушинском стане в качестве нареченного патриарха. Из-за отсутствия в Москве пленного Филарета вспомнили о его единственном сыне стольнике Михаиле Романове» [6: с. 424–425]. Точка зрения Л.Е. Морозовой: «У казаков особого интереса к кандидатуре Михаила Романова быть не могло. Его воцарение не сулило им никакой выгоды» [10: с. 45].

Исходя из утверждения о стремлении казачества и близких к ним элементов легитимировать свой статус через опыт взаимодействия с определенным лицом на конкретном этапе гражданской войны в Московском государстве, можно предположить, что для казаков наиболее подходящим государем должен был стать князь Д.Т. Трубецкой, с которым казаков связывал опыт совместной ратной службы в рамках антиправительственного выступления 1608–1610 годов и освободительного движения 1611–1612 годов. Тем более что, согласно «Повести», сам воевода искал у казаков поддержки своему избранию на царство. Но новым царем стал не он: *«Князь же Дмитрий Трубецкой, лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»* (цит. по: [14: с. 95]).

По нашему мнению, казачество стремилось легитимировать свой социальный статус через апеллирование к опыту взаимодействия с Православной церковью. Наиболее интенсивно отношения между казачеством и духовенством развивались в период пребывания казаков под Москвой в составе Первого ополчения. Именно тогда так называемые вольные казаки впервые в масштабах всей страны получили признание в качестве самостоятельной силы. Их статус был освящен службой «по благословению патриарха», заступничеством Троицкого монастыря перед земством. Наиболее удачной фигурой, олицетворяющей это взаимодействие, среди прочих претендентов оказался Михаил Романов, чему в значительной степени могли способствовать и родство с бывшим главой тушинского Освященного собора митрополитом Филаретом, и желание патриарха Гермогена видеть в 1610 году на московском престоле князя В.В. Голицына или молодого Михаила Романова, а также проводимая в Москве в конце 1612 – начале 1613 года бывшими «тушинскими боярами и дьяками» агитация.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 4. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. 583 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 2. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 416 с.
3. *Буссов Конрад*. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 400 с.
4. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб.: Типография Эд. Праца, 1871. 298 с.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с.
6. *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007. 524 с.
7. *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243.
8. *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М.: Соцэкгиз, 1939. 343 с.
9. *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. 208 с.
10. *Морозова Л.Е.* Избрание на царство // Русская история. 2013. № 1. С. 40–45.
11. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.
12. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. 14. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 158 с.
13. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 328 с.
14. *Станиславский А.Л., Морозов Б.Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
15. *Титов А.А.* Из Львовского Архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 337–352.
16. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
17. *Ульяновский В.И.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.

Literatura

1. Akty', odnosyashiesya k istorii Zapadnoj Rossii, sobranny'e i izdanny'e Arheograficheskoy komissiej. T. 4. SPb.: V tipografii E'duarda Pracza, 1851. 583 s.
2. Akty', sobranny'e v bibliotekah i arxivax Rossijskoj Imperii Arheograficheskoy e'kspediej Imperatorskoj akademii nauk. T. 2. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1836. 416 s.
3. *Bussov Konrad*. Moskovskaya xronika. 1584–1613. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 400 s.
4. Zapiski getmana Zholkevskogo o Moskovskoj vojne. SPb.: Tipografiya E'd. Pracza, 1871. 298 s.
5. *Klyuchevskij V.O.* Sochineniya. T. 3. M.: My'sl', 1988. 415 s.
6. *Kozlyakov V.N.* Smuta v Rossii. XVII vek. M.: Omega, 2007. 524 s.
7. *Koreczkij V.I.* Soloveczkij letopisecz koncza XVI v. // Letopisi i xroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. S. 223–243.

8. *Lyubomirov P.G.* Oчерk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. М.: Socze'kgiz, 1939. 343 s.
9. *Massa Isaak.* Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. М.: Socze'kgiz, 1937. 208 s.
10. *Morozova L.E.* Izbranie na czarstvo // *Russkaya istoriya.* 2013. № 1. S. 40–45.
11. *Platonov S.F.* Oчерki po istorii Smuty' v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. Opy't izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovny'x otnoshenij v Smutnoe vremya. М.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 1995. 470 s.
12. Polnoe sobranie russkix letopisej, izdannoe po Vy'sochajshemu poveleniyu Arheograficheskoy komissii. T. 14. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 158 s.
13. *Skry'nnikov R.G.* Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 328 s.
14. *Stanislavskij A.L., Morozov B.N.* Povest' o Zemskom sobore 1613 goda // *Voprosy' istorii.* 1985. № 5. S. 89–96.
15. *Titov A.A.* Iz L'vovskogo Arxiva knyazya Sapegi // *Russkij arxiv.* 1910. № 11. S. 337–352.
16. *Tyumencev I.O.* Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. М.: Nauka, 2008. 686 s.
17. *Ul'yanovskij V.I.* Smutnoe vremya. М.: Evropa, 2006. 448 s.

I.A. Boldov

Existence of «Romanov's» Political Legend in Time of Troubles (Smutnoe Vremya)

According to their plot, political legends are divided into three groups: about the deathbed will of Tsar Ivan Vasilyevich, about the salvation of Tsarevich Dmitry Ivanovich, about the deathbed testament of Tsar Fyodor Ivanovich. By the nature of the political orientation, «Godunovskaya», «Shuiskaya», «Mstislavskaya», «Romanov» legends can be distinguished, as well as an impostor legend, which is a kind of popular social-utopian legend about the «returning savior». This article deals with the problem of the emergence, existence and use in the Time of Troubles of the «Romanov's» political legend about the testament of Tsar Fyodor Ivanovich.

Keywords: Time of Troubles; political legend; testament of Tsar Fyodor Ivanovich; Fedor Romanov and Boris Godunov; Zemsky sobor of 1613.